

**«Маленький человек» на арене истории: роман Булата
Окуджавы «Бедный Авросимов»**

龔信賢 / Hsin-hsien Kung

中國文化大學俄國語文學所博士班

**Graduate Program, Department of Russian Language and Literature,
Chinese Culture University**

【摘要】

本篇將討論俄國歷史散文中 1960-1980 年代的阿庫扎瓦的第一本歷史小說“可憐的阿夫羅西莫夫”(1968)。布拉特·阿庫扎瓦不單單寫詩、寫歌曲還寫散文作品。在他的創作中，散文作品愈來愈受重視。阿庫扎瓦生前，他的歷史散文很少得到應有的評價，而在他逝世後，俄國文學研究領域對他的作品逐漸重視。

【關鍵詞】

布拉特、阿庫扎瓦、歷史散文、十二月黨人

【Abstract】

This article will discuss the Russian history prose, the “The poor Avrosimov” (1968) which is the first historical novel of Okudgava’s during the year of 1960 to 1980. Bulat. Okudgava wrote not only poetry but also songs and works of prose. Among his creative works, his prose has received increasing attention in recent years. During his lifetime, his historical prose rarely received the kind of assessment that it merited. However after his death, Russian literary scholars gradually paid increasing attention to his work.

【Keywords】

Bulat Okudgava, historical prose, the Decembrists

Б. Ш. Окуджава (1924-1997), чьё имя широко известно благодаря песням, писал ещё и прозу – автобиографическую и историческую. Окуджава не раз говорил (в интервью, выступлениях на концертах) о единстве своего лирического и романного героя: «Для меня роман – это просто другая форма того же, о чём я говорил в стихах, потому что мой герой [...] это тот же самый лирический герой».¹ «... я пишу о себе. О чём бы ни писал – песни ли, романы, герои мои – это я».²

Три из четырёх исторических романов писателя -- «Бедный Авросимов» (1965–1968), «Путешествие дилетантов» (1971–1977), «Свидание с Бонапартом» (1983) – тематически связаны с восстанием декабристов на Сенатской площади в 1825 году³.

¹ «С историей не расстаюсь...» (беседу вела И. Ришина). – Литературная газета, 27 мая 1979, с. 4-5.

² Булат Окуджава. Сороковины. -- Аргументы и факты, 1997, N 30, с. 13.

³ Декабристы -- деятели русского освободительного движения первой четверти 19 в. Движение возникло в кругу образованной дворянской молодежи, находившейся под влиянием европейской общественной мысли, идей французских энциклопедистов и Великой французской революции.

Основными целями декабристов были установление в России конституционного парламентского режима и ограничение самодержавия (в качестве формы правления рассматривались республика или конституционная монархия), отмена крепостного права, демократические преобразования, введение гражданских прав и свобод.

Декабристами был создан ряд тайных обществ: Союз Спасения (1816-17), Союз Благоденствия(1818-21), Южное общество и Северное общество(1821-25). Первые тайные общества стремились в основном путем формирования общественного мнения оказывать влияние на правительство и добиваться проведения либеральных преобразований, но после 1821 в планах декабристов стала преобладать идея военного переворота.

Внезапная смерть Александра I и междуцарствие заставили декабристов предпринять плохо подготовленные и безуспешные восстания 14 декабря 1825 на Сенатской площади в Петербурге и Черниговского полка на Украине. После их подавления правительством

1. Тип героя.

«Бедный Авросимов» (1965 – 1968) – первый исторический роман Окуджавы. Произведение писалось по заказу Издательства политической литературы, но вместо повести о Пестеле, одном из руководителей восстания декабристов, у Окуджавы получился роман о «маленьком писаре» Авросимове. Иван Авросимов, «полуграмотный, молодой, провинциальный» волей судьбы оказался «свидетелем истории», и это изменило всю его дальнейшую жизнь.

В интервью 1994 года, оглядываясь на пройденный творческий путь, Булат Окуджава так оценил свой первый исторический роман: «Я заметил немало огрехов, слабых мест, но, **к моему удовольствию, убедился снова, что там нет ни «положительных», ни «отрицательных» героев:** человек делает другому подлость и тут же совершает удивительный, благородный поступок. Все набиты всем, все несут в себе всё. [...] Я большой противник экстремизма – и в политике, и в литературе. **Не люблю однозначных оценок, не люблю деления на чёрное и белое, на белое и красное – люди есть люди»**⁴.

Внешний сюжет романа «Бедный Авросимов», связанный с заглавным героем, прост. Январь 1826 года. В Петербурге идёт следствие по делу декабристов. Иван Евдокимович Авросимов, провинциальный молодой человек из мелких дворян, по протекции дяди получает должность писаря

Николая I в Петербурге был создан специальный Следственный комитет по делу о злоумышленных тайных обществах. К следствию, длившемуся больше полугода, было привлечено около 600 человек, попавших под подозрение в членстве в тайных обществах. 121 человек был предан суду; все подсудимые были разделены на 11 разрядов по степени тяжести вины. 5 декабристов (П. И. Пестель, К. Ф. Рылеев, С. И. Муравьев-Апостол, М. П. Бестужев-Рюмин, П. Г. Каховский) были приговорены к смертной казни и повешены в Петропавловской крепости 13 июля 1826; остальные осуждены на разные сроки каторги и ссылки, разжалованы в солдаты и лишены дворянства.

⁴ Булат Окуджава. Специальный выпуск. Газета. -- Москва, июнь 1997, с. 10.

при Высочайше учреждённом Комитете. На заседаниях Комитета Авросимов становится свидетелем допроса участников «ужасного предприятия на Сенатской площади». Его особое внимание привлекает один из идейных руководителей «тайного общества» – полковник Павел Иванович Пестель⁵. Одновременно молодой провинциал знакомится со столичной жизнью, попадает в общество офицеров, где все так или иначе связаны с находящимися под арестом «государственными преступниками». Авросимову приходится участвовать в экспедиции, направленной в Малороссию для поисков «Русской правды» Пестеля, зарытой в землю, по показаниям, именно там. Вскоре после возвращения Авросимов, по доносу, обвинён в том, что готовил побег Пестеля. Наказание провинившемуся писарю было неожиданно мягким: его отстранили от должности и

⁵ Пестель Павел Иванович [24 июня (5 июля) 1793, Москва — 13 (25) июля 1826, казнен в Петербурге], декабрист, полковник, командир Вятского пехотного полка. Участник Отечественной войны 1812 и заграничных походов.

Пестель был одним из организаторов ячейки Союза Благоденствия в Тульчине, а затем, после роспуска Союза на Московском съезде 1821 (Пестель на съезде не был), отказался его признать и стал главным инициатором создания Южного общества. Возглавлял Тульчинскую управу, был членом южной Директории и признанным лидером общества. Пестель являлся сторонником введения в России республики (а не конституционной монархии, к которой склонялись многие из декабристов), по его инициативе несколько заседаний Южного общества было посвящено обсуждению необходимости в ходе революции убийства царя и всей императорской фамилии, чтобы избежать как реставрации, так и гражданской войны с приверженцами царствующего дома. Пестелем был написан конституционный проект «Русская Правда», принятый Южным обществом в качестве программы действий. Пестель принял в тайное общество своего подчиненного капитана Вятского полка А. И. Майборода, которому доверял. Майборода же 25 ноября 1825 сделал донос, в котором изложил все, что знал о Южном обществе. Пестель был арестован первым из декабристов 13 декабря 1825 в Тульчине и после обыска и допроса 27 декабря был отправлен в Петербург. Приговорен к смертной казни и повешен.

отправили назад в родную деревню, где он оправился от потрясений и даже женился. Счастливый конец? Такова внешняя канва событий, и она -- не главное в романе Окуджавы. Главное – эволюция мыслей, взглядов и чувств молодого провинциала Ивана Евдокимовича Авросимова, который оказался вовлечён в водоворот истории. Авросимов – обычный маленький человек, молодой, здоровый телом и душой. Его воспитание и образ жизни вызывает в памяти Петрушу Гринёва из «Капитанской дочки» Пушкина, даже имя старого слуги Авросимова – Ерофеич – рифмуется с Савельич, верным дядькой Гринёва. Авросимов, как и Гринёв, «отправился на царскую службу с ясным разумом, чистым сердцем и спокойною душою». Но не прошло и недели заседаний особого Комитета, как наш герой понял, что «не зря матушка при расставании слёзы лила»: «что-то всё вокруг меня совершается, а что – понять нельзя. Беда какая» (Окуджава, 2003, с.33).⁶ В душе наивного и чистого провинциала, неискущённого никакими, в том числе и политическими, страстями, -- неразбериха, смятение чувств: ведь ещё неделю назад всё было так ясно и просто, а теперь?!...

Уже в первой главе, где описывается один «присутственный день» Комитета, обозначена причина будущих изменений Авросимова: молодой писарь, до сих пор не сомневавшийся в «порядке вещей», **задумался. «Какой он ни злодей, а всё ж таки человек, -- вдруг** подумал Авросимов, глянув, как Пестель, в волнении наверно, обкусывает ногти. – И против Бонапарта воевал. И даже сам князь Кутузов пожаловал ему золотую шпагу «за храбрость» на поле сражения. **Ах, злодей, злодей!»** (Окуджава, 2003, с.29) В Авросимове уже начинают рождаться новые мысли и чувства, но он ещё продолжает думать как бы по инерции: «...злодей, злодей!» «Волчий взгляд», «волк, истинно волк», «Ну, погоди, враг, -- подумал Авросимов, ненавидя. Покаешься на каторге» -- такими характеристиками мысленно «награждает» Авросимов Пестеля в первой

⁶ Здесь и далее роман «Бедный Авросимов», с указанием страниц, цитируется по изданию: Окуджава Б. Ш. Бедный Авросимов: Роман. – Екатеринбург: У-Фактория, 2003.

главе. Однако уже вечером, вернувшись домой, бедный писарь не может освободиться от дневных впечатлений: «Вот, к примеру, надо, собравшись с мыслями, определить, как Пестель на злодейство решился...» «Ах, да зачем же он всё это затеял?! **Чего ему нехорошо было? Или не виноват он?..**» (Окуджава, 2003, с. 39, 41) Дальше – больше. Каждый день Авросимов становится свидетелем всё новых подлостей («все навалились на одного»): члены Комитета мучают Пестеля допросами, хотя всё уже знают, бывшие единомышленники и друзья предают его: «нашему герою <т.е. Авросимову>, скачущему пером по бумаге, **отвратительными казались речи Пестелева единоверца**» (Окуджава, 2003, с. 94). И далее автор-повествователь от своего имени комментирует ситуацию: «...**ибо дело тут вовсе и не в политическом их смысле, а в простой порядочности, в благородстве простом**, которые даже нашему герою, не искущённому ещё в вопросах морали, были свойственны» (Окуджава, 2003, с. 95).

Авросимов всё-таки пытается сопротивляться новому настроению мыслей и чувств: «Чёртов полковник! Из-за него всё, из-за него! Не зря они все его корят, все его бывшие дружки!...» Не зря тебя судят, злодей, и казнят! Как ты всем жизни перепутал, враг!» (Окуджава, 2003, с. 243) В таком настроении Авросимов входит в камеру к Пестелю – он принёс преступнику новые опросные листы. Сцена в каземате – кульминация повествования о бедном писаре Авросимове. Полковник бросился поднимать упавшую тюремную кружку, которую нечаянно уронил Авросимов, а потом пожаловался на тараканов: «покоя от них нет». Кружка и тараканы стали последней каплей. «Государственный преступник», «враг» и «злодей», «чёртов полковник» Пестель превратился в человека, достойного сочувствия и жалости. «Пестель стоял, опустив голову. Жёлтый прусачок <т.е. таракан> мирно спал в складке его халата. Масло в светильнике еле шипело. [...] Авросимов шагнул было к двери, **но резко оборотился. «Я жалею об вас! – вдруг крикнул он. – Жалею! Жалею!** – и распахнул проклятую дверь». Но это был не крик, а

тоскливая мысль, забушевавшая в нём на мгновение» (Окуджава, 2003, с. 255-256). После этой сцены вновь следует комментарий рассказчика: «Прав был Пестель или нет? Злодей он или пророк? [...] **Ежели он не был прав, зачем же наш нынешний государь, я вас спрашиваю, дал народу волю? Стало быть, Пестель был прав? Ах, милостивый государь, а ежели он прав был, ежели прав был, за что же его так позорно казнили?!**» (Окуджава, 2003, с. 257)

Участь Пестеля решена: «Наш герой<т.е. Авросимов> пребывал в смятении. Ничего нельзя было повернуть. Большая и тяжёлая, словно гора, навалилась машина на злодея и перемалывала ему кости. А ежели безвинным пасть под неё?.. Вполне возможно. **Вот ведь отчего пребываем мы в страхе, ибо всегда живём поблизости от каземата либо в его преддверии, ибо не сами решаем, а она, наша фортуна.** Так, может, прав этот чёртов полковник, вознамерившийся избавить нас от вечного страха и от вечного предчувствия беды? **Да, но при сём мерещилась ему кровь (вы помните?), без которой не мыслил он будущего благоденствия!..** Так что же лучше-то? Ах, что же лучше?..» (Окуджава, 2003, с.368) Конечно, в этой цитате нельзя не узнать голос автора, жителя XX века, когда безвинная кровь лилась рекой и «благоденствие» строилось на человеческих костях. Но не всегда ли так было?

После посещения каземата, где томился Пестель, «громкий зов о помощи», идущий неведомо откуда, уже не оставляет в покое Авросимова: «...и он понял, что **зов этот – не случайность, не блажь природы, а прямое указание, идущее, может быть, свыше,** требующее от него вмешаться в судьбу несчастного, оставленного в одиночестве полковника. «Да бегу, бегу же! – крикнул он в душе. – Вот он я. Сейчас, сейчас!» (Окуджава, 2003, с. 383)

Авросимов всё больше становится похож на маленьких героев «Петербургских повестей» Гоголя и униженных жителей Петербурга Достоевского. Вместо Пушкинского Медного всадника бедного писаря

преследует карета графа Татищева, главы Комитета: «Так в расстроенных чувствах, в тревоге и в смятении шествовал наш герой по Васильевскому острову, но едва дошёл до места, где большой проспект смыкается с Первою линией, как словно из-под земли, из крутящегося снега и мрака вдруг вырвалась карета шестёркой и остановилась, перегородив Авросимову дальнейший путь; и не успел он, как говорится, охнуть, из кареты показалось знакомое обрюзгшее лицо графа Татищева, и военный министр сказал, улыбнувшись одними губами:

-- Что это ты, сударь, пешком топашь, ровно мужик?...» (Окуджава, 2003, с. 35) Словно в ответ на сомнения, мучающие Авросимова, Татищев неожиданно заводит разговор о «чёртовом полковнике»: «--А у Пестеля государственная голова! – почти крикнул он. – И ты, сударь, пошёл бы за ним, помани он тебя...» Заканчивается же эта встреча так:

« -- Ну ладно, ступай, -- сказал граф сердито и полез в карету, захлопнул дверцу, но тут же высунулся, протянул Авросимову руку.

-- Возьми-ка вот.

-- Что это? – не понял наш герой.

-- Возьми, возьми, -- сказал граф по-простецки, но в то же время несколько таинственно, и что-то скользкое шлёпнулось в подставленную Авросимовым ладонь.

– Благодарю покорно, ваше сиятельство, -- пролепетал он, а сам подумал: «Уж не орден ли?»

Граф засмеялся. Кучер взмахнул кнутом. Экипаж скрылся.

Авросимов кинулся к ближайшему фонарю и раскрыл ладонь. Маленький красный бесёнок с черными рожками стоял подбоченясь и глядел на него голубыми пронзительными глазами. Затем он вытянул вперед свою красную ручку и сказал, обращаясь неведомо к кому:

-- Господа, не сочтите меня чрезмерно привередливым, но этакого подвоха от их сиятельства я никак не ждал-с...

Наш герой в ужасе тряхнул ладонь, сгреб снегу и потёр руки. Наваждение исчезло» (Окуджава, 2003, с. 36-37). В данном эпизоде и

особенно в последней части романа (история с кучером Филимоновым.) ощущается влияние гоголевской стилистики, когда фантастическое проникает в быт, и два мира – реальный и воображаемый – переплетаются и сливаются до неразличимости в восприятии героя.

Авросимов замышляет побег Пестеля: «план, бушующий в сердце, требовал пищи». Мифический Филимонов появляется из законной темноты, словно в ответ на беспокойные мысли героя романа: «Авросимов ... стоял в одиночестве, глядел в окно, как там вечерело, не слыша ни слов, ни прочих звуков... Вдруг что-то заставило его обернуться. На пороге стоял незнакомый господин неопределенного возраста. В одной руке держал он узелок, будто освящённый кулич, а другою старательно прикрывал дверь.

– Филимонов, -- представился он негромко.

Авросимов поклонился.

– Ежели вам нужна моя помощь в известном вам деле, -- шёпотом сказал человек, -- не побрезгуйте.

– В каком таком деле? – спросил наш герой.

– Вы же намерены спасти узника, -- очень просто шепнул Филимонов. – Так я могу взять на себя заботы...

-- Что за вздор? – крикнул Авросимов.

– Денег я не возьму, -- сказал Филимонов, -- так, от души. Вы только прикажите...

-- Да я ничего не хочу! – крикнул Авросимов. Я никого ни об чём не просил!

– Да мы сами об этом узнали, -- сказал Филимонов спокойно. – Все об ваших муках-с знают. Вам и просить не нужно...» (Окуджава, 2003, с. 412) «Весь Санкт-Петербург будто не спал, а занимался делом, хлопоча вокруг известного вам предприятия. Везде Авросимов видел обращённые на него лица, полные тайны глаза. Какие-то незнакомые люди его останавливали, хватали за рукава, уверяли, что всё мол, движется преотлично, чтобы он не волновался и чтобы во всём полагался на гений Филимонова» (Окуджава,

2003, с. 421).

В конце концов измученный Авросимов решает поделиться своими планами и сомнениями с очаровательной Амалией Петровной Пестель, женой брата пленного полковника. Она-то и сделает донос на Авросимова.

В финале голос автора, рассказчика и самого Авросимова почти сливаются: **«Ах, полковник, он ведь рыдал, наш молодой человек, проклиная ложь Браницкого [Браницкий солгал, что Пестель бежал из Петропавловской крепости], твоё злодейство и жалея о тебе!»** (Окуджава, 2003, с. 440) Авросимова арестовал его приятель офицер Бутурлин. «...и сквозь шум ветра и фыркание лошадей **то ли воистину сказанное «прости, брат», то ли придуманное в слабости**, донеслось до слуха нашего героя» (Окуджава, 2003, с.442).

Главный сюжет о бедном Авросимове поддержан и оттенён боковыми сюжетными линиями, которые придают повествованию глубину и панорамность. Во-первых, это история армейского капитана Майбороды, человека, близкого Пестелю: капитан донёс на полковника из благих намерений спасти Отечество и государя императора. Бóльшая часть истории предателя Майбороды рассказана в форме исповеди самого капитана. Во-вторых, история подпоручика Николая Зайкина, который сначала взял на себя чужую вину, а потом предал родного брата.

На еще одной истории мы остановимся подробнее. Речь об Амалии Петровне Пестель, жене родного брата Пестеля. Амалия Петровна настойчиво добивается тайного свидания с Авросимовым и при встрече рассказывает ему, почему боится за мужа, хотя тот и выступил во время декабрьского мятежа на стороне Государя Императора :

« -- ...брат Павла Ивановича, -- сказала она издалека, глухо, -- полный страдания за Павла Ивановича и отчаяния за собственную судьбу, не умея себя поддержать, а только **проклиная жалкий жребий свой, злой рок, вынудивший его взяться за оружие и палить по друзьям Павла Ивановича, и теперь он гаснет в сомнениях и угрызениях...**

-- Не понимаю, -- хрипло выкрикнул наш герой, -- **он мучается, что против мятежников вышел или что с ними не пошёл?**

– Какой вы, право, [...] **как у вас всё просто:** за мятежников, против мятежников...» (Окуджава, 2003, с. 110-111)

Через несколько страниц после свидания Авросимова и Амалии Петровны следует такой комментарий рассказчика: «Должен вам заметить, милостивый государь, что судьба Владимира Ивановича была абсолютно вне опасности, ибо решительные его действия во время мятежа на стороне государственной были решительно отмечены и поощрены, а брат за брата, как говорится, не ответчик, [...] зато Амалия Петровна вся как бы горела, будучи и проницательней и чувствительней супруга» (Окуджава, 2003, с. 116-117).

«Бедный Авросимов», первый исторический роман Окуджавы, продолжая традицию классической русской литературы⁷, одновременно вступает с этой традицией в непростой диалог. Подвиг жён декабристов, отправившихся за своими мужьями в Сибирь, хорошо известен – его воспел ещё Некрасов в знаменитой поэме «Русские женщины». Но ведь были и другие, такие, как Амалия Петровна, они тоже терпели душевные муки из-за своих мужей и спасали их, как могли, как умели. Осуждает ли её автор? Едва ли. Однако что-то всё-таки сквозит в таких иронических строках: «...полюбопытствуем на неугомонную родственницу пленного полковника, не знающую покоя ни днём, ни ночью, ибо она в эту самую минуту, дождавшись возвращения графа Татищева из ночной прогулки, была звана в кабинет к военному министру. Просидев в ожидании больше двух часов, она [...] **вошла к нему, сохраняя достоинство, с высоко поднятой головой, поигрывая родинкой,** и только чрезвычайная бледность выдавала её состояние [...] граф вдруг

⁷ При желании в названии романа Окуджавы можно расслышать и «бедного Евгения» Пушкина («Медный всадник»), и «Бедных людей» Достоевского, но это, конечно, субъективные ассоциации.

различил **страх в голосе несчастной дамы**» (Окуджава, 2003, с.428).

Амалия Петровна дождалась военного министра, чтобы сообщить ему о намерениях писаря устроить побег Пестелю. Фактически она предала доверившегося ей Авросимова – предала во имя любви к мужу. Вместо комментария процитируем фразу, в романе принадлежащую предателю Майбороде, но она вполне могла быть и авторской: **«Вот видите, господа, как жизнь нас всех связала, а мы-то и не ведали того... Вот видите?..»** (Окуджава, 2003, с. 177)

Есть в романе, хотя и скрытая, полемика с современностью. «Возьмите-ка, милостивый государь, бюллетени⁸ тех лет, почитайте-ка их (а я читал-с, и премного), и вы ничего, кроме понятия «преступление», и не вычитаете: ни о том, что Павел Иванович делал свой расчёт освободить крестьян, и ни о том, что он предполагал положить конец казнокрадству, дать солдатам облегчение и множество другого всякого, -- не вычитаете тоже, а лишь одно: вор, разбойник, цареубийца... Вот так... [...] **А что касается народа российского, так ведь он ни об чём таком не имеет понятия**, ибо занят своей землёй, своим хлебушком насущным и бюллетеней всяких не читает, а ежели и читает кое-когда, ничего в том не смыслит...» (Окуджава, 2003, с.406) Так пишет рассказчик, проживающий в годы царствования императора-освободителя Александра II, уже после отмены крепостного права. Тогда декабристы иначе, как «государственными преступниками» не назывались. В советское время оценки поменялись, чёрное стало белым. Советский «миф о декабризме» как бы выносил за скобки тот факт, что «ликвидация противоборствующей силы» входила в планы дворянских революционеров. **Окуджава же, напротив, заостряет вопрос о цене «всеобщего благоденствия»:** «...лучше добро на крови, чем кровь без добра» (Окуджава, 2003, с. 332).

⁸ Здесь: краткое официальное сообщение (о ходе военных действий, состоянии здоровья и т. п.).

От этой фразы Пестеля уже недалеко до «Катехизиса революционера» Нечаева⁹ и «Бесов» Достоевского.

«Стало быть, пушкам надлежит стрелять, а крови литься?» (Окуджава, 2003, с. 332) Вот эпизод из романа: допрашивают очередного свидетеля по делу Пестеля. «Теперь всё равно, -- торопливо выпалил офицер, когда ему задали вопрос касавшегося цареубийства. Вы же говорили мне, Павел Иванович, что? **прежде чем начать возмутительные действия, следует истребить...вы же говорили это относительно императорской фамилии.** Еще с вами Муравьев¹⁰ не согласился. **Вы же готовили других для свершения удара? – пальцы его тряслись в разной, словно он играл на флейте что-то ухарское**» (Окуджава, 2003, с. 94).

В 1918 году, меньше, чем через 100 лет, большевики осуществили планы полковника царской армии Павла Ивановича Пестеля и ликвидировали

⁹ Нечаев Сергей Геннадиевич (1847-82), российский деятель революционного движения. Организатор тайного общества «Народная расправа», автор «Катехизиса революционера». Применял методы мистификации и провокации. В 1869 в Москве убил по подозрению в предательстве студента И. И. Иванова и скрылся за границей. В 1872 выдан швейцарскими властями. В 1873 приговорен к 20 годам каторги. Умер в Алексеевском равелине Петропавловской крепости.

Нечаевская традиция физического уничтожения или терроризации «особенно вредных» лиц, беспрекословного подчинения низов вышестоящим революционерам, оправдания любого аморализма, если он служит интересам революции, прослеживается в течение всей последующей истории русского революционного движения. Террор и заговоры становятся неотъемлемой его частью, а нравственные основы, заложенные декабристами и Герценом, все больше размываются.

Нечаевское дело легло в основу знаменитого «антинигилистического» романа Ф. М. Достоевского «Бесы» (1873), в котором прототипом Петра Верховенского стал сам Нечаев.

¹⁰ МУРАВЬЕВ Никита Михайлович (1795-1843), декабрист, капитан. Участник заграничных походов. Один из основателей «Союза спасения» и «Союза благоденствия». Член Верховной думы и правитель Северного общества. Автор проекта Конституции. Приговорен к 20 годам каторги.

всю царскую семью, включая детей и слуг. Окуджава закончил свой роман в 1968 году. В те времена говорить публично об убийстве царской семьи не разрешалось. В июле 1998 года, спустя 80 лет, останки расстрелянных были с почестями перезахоронены в Петропавловском соборе Петербурга, там, где неподалёку в Алексеевском равелине летом 1826 года были повешены декабристы, в том числе и Пестель. Воистину, всё переплелось и перепуталось в русской истории и жизни -- **«как жизнь нас всех связала, а мы-то и не ведали того»...**

Неоднозначность героев, которая, по мнению самого писателя, является одним из главных достоинств его прозы, касается даже второстепенных героев. Так, например, в уста военного министра, главы Комитета, графа Татищева Окуджава вкладывает такие слова, обращённые к Авросимову: **«Я вижу грусть в твоих глазах. Да ты этим не гордись, любезный. У Пестеля тоже страдание русское, а он немец...»** (Окуджава, 2003, с. 261)

2. Выражение авторской позиции.

На первый взгляд историческая проза Окуджавы традиционна по форме и языку. Это романы с сюжетом, героями, историческим фоном и бытовыми реалиями. Так писали ещё в XIX веке. Вот и «Бедный Авросимов» написан в традиционной форме повествования от третьего лица. Однако наряду с голосами действующих героев (Иван Авросимов, полковник Пестель, знакомые офицеры Авросимова, Амалия Петровна и др.) в тексте явственно слышен голос повествователя, от которого мы и узнаём историю о бедном писаре. О повествователе читателю известно только то, что он ведёт свой рассказ несколько десятилетий спустя после описываемых событий (предположительно – 1860-е годы), в царствование императора Александра II, который «дал народу волю» (разве не этого же хотели и те, кто 25 декабря 1825 года вышел на Сенатскую площадь?). Таким образом, в романе изначально задана историческая дистанция (предположительно, длиною в полвека), но не настолько большая, чтобы

рассказывать о случившемся «свысока», с позиции жителя XX столетия, «вполне разрешившего недоумения и вопросы прошлого и всему нашедшего точное место»¹¹.

Вот фрагменты текста, где повествователь говорит от первого лица («я»), прямо высказывая свою оценку истории, разворачивающейся на глазах читателя: «Я, милостивый государь, позволю себе высказать вам свою мысль, которая давно во мне утвердилась, но которая, **когда возникла, волосья мои подняла дыбом.** [...] Что же это такое? – **рассуждал я по секрету.** Полковник Пестель призывал своих сообщников так всё переверотить, чтобы рабство сломать и многим русским людям дать жить по-людски, а не по-скотски. **Прав был Пестель или нет? Злодей он или пророк?** Ежели он не был прав, зачем же наш нонешний государь, **я вас спрашиваю,** дал народу волю?» (Окуджава, 2003, с. 256)

Обращение «милостивый государь» указывает на то, что адресат – современник повествователя, отличающийся к тому же, как сказано в тексте, «горячим патриотизмом и приверженностью государю» (Окуджава, 2003, с. 95).

Такая «включённость в эпоху» позволяет автору «Бедного Авросимова» вновь ставить вопросы, которые в его время уже считались решёнными и почти закрытыми для обсуждения.

Особенность истории о бедном писаре Авросимове в том, что в ней много **лирических отступлений, в которых голоса автора и повествователя сливаются.** Вот два характерных примера. О главном герое, Иване Авросимове, повествователь говорит так: «Вы посмотрите только, как он всё это несёт на себе, как только спина его не переломится под грузом разных событий, приключений, мук и неожиданностей, сомнений и тоски! И кто знает, уж если судьбой его так определено, то не в назидание ли нам? Не для острастки ли? [...] Разве мы с вами умеем с чужой колокольни-то смотреть? Так что давайте уж со своей» (Окуджава,

¹¹ Закавыченные слова, характеризующие исторические романы Тынянова, принадлежат В. Курбатову.

2003, с. 113).

Второй пример, в котором голос повествователя почти заглушён авторским. Речь идёт о большой политической игре, в неё волей судьбы был вовлечён наивный и неискушённый провинциальный дворянин Иван Авросимов: «...предложи нам, нынешним, ту игру, в которую играл ещё Авросимов по собственному неведению, мы ведь её не примем, а будем смеяться, отвергнем: мол, не в игры приходим играть мы на землю, а жить и приумножать славу отечества. **Время меняет облик игры, приспособляя её под наш с вами вкус, чтобы мы со всем сердцем в ней участвовали, чтобы головы и у нас кружились и чтобы дух захватывало: не зря мол живём, господа, не зря!**

Однако, как видится мне, в обширном этом море безумств почти что и нет не плачущих о собственном пироге, ибо все мы с пелёнок бываем нацелены на румяный его бок с хрустящей корочкой, поражающей наше воображение своим неистовым гляncем. [...]

...что касается нынешнего времени, я тоже, как всякий другой смертный, обольщаюсь, **надеюсь, что, мол, моя-то жизнь вне игры, меня-то не проведёшь...однако вчерашний день всегда виднее**, и те годы, когда наш герой со всем пылом своим пытался понять себя самого, мне видны, ах, как видны. **Да и что за сложность – оценить его поступки? Впрочем, не торопитесь, споткнётесь»** (Окуджава, 2003, с. 344, 345). Ирония («не зря мол живём, господа, не зря!») и замечание о дне сегодняшнем, конечно, авторские.

Автору же принадлежит и оценка событий декабря 1825 года, их трагического резонанса в российской жизни: «Наверное, музыка играла, когда они, преследуя Бонапарта, проходили Европой, и **родина, уже перекроенная на сей европейский манер, виделась им издалека**. Каково же было их огорчение, когда, вернувшись, застали они свою землю пребывающей в прежнем виде; **каковы же были их гнев и неистовство** при мысли об сём, и, **уже ослеплённые, ринулись они в безумное своё предприятие** так, что цепи зазвенели» (там же, с. 9). Концепция восстания

декабристов, изложенная на первых страницах первого романа, будет развита писателем в последующих произведениях – «Путешествии дилетантов» (1977) и «Свидании с Бонапартом» (1983).

Хотя повествовательная форма первого романа Окуджавы «Бедный Авросимов» вполне традиционна, всё-таки и в нём можно заметить авторскую иронию, направленную на собственный текст. Вот характерный пример. Во дворе Петропавловской крепости Авросимов, обуреваемый состраданием к родственникам подсудимых, безуспешно пытается заговорить с сестрой арестованного подпоручика Заикина. «Она уходила. Тогда наш герой, боясь потерять её, шагнул следом, но она, видимо, услышала, как скрипнул снег под его ногами, и заторопилась.

Тут-то его, **недоумевающего**, и застал Павел Бутурлин и **поташил** в комендантский дом, жуя за медлительность, ибо там **судьба его, быть может, складывается наипрелестнейшим образом...**

-- Каким же это? – не понял наш герой.

– А ты иди, иди, Ванюша, -- загадочно усмехнулся Бутурлин. – Лови момент, лови момент...» (Окуджава, 2003, с. 237)

Конечно, можно сказать, что вопрос Авросимова обращён к Бутурлину, слова которого переданы несобственно-прямой речью, по сути же **это вопрос героя к автору** («каким же это наипрелестнейшим образом складывается моя судьба?»), а последующие «загадочные» слова: «А ты иди, иди, Ванюша» – усмешка всезнающего автора, который, в перспективе замысла, уже знает, что «нашего героя» не ждёт ничего хорошего, несмотря на все его надежды и обольщения. Подобные, хотя и краткие, диалоги автора и героев встречаются и в других вещах Окуджавы.

Выше мы уже говорили о том, что Окуджава указывал на единство своего лирического и романного героя. Ещё один способ выражения авторской позиции в прозаическом произведении – лирические (стихотворные) тексты. В «Бедном Авросимове» это песня, которую поют крепостные девушки ротмистра Слепцова. Слепцов вместе с Авросимовым везёт на Украину подследственного поручика Заикина,

который согласился указать место, где зарыта «Русская правда» Пестеля. Зима, холодно. По пути они останавливаются в родовом имении Слепцова, чтобы отогреться и отдохнуть. И вот Дуняша, крепостная девушка Слепцова (она приглянулась Авросимову), поёт песню. Её строки даны в контексте размышлений Авросимова и разговоров офицеров, невольных «спутников по несчастью».

«Дуняша, не сводящая глаз с барина, махнула рукой, и хор повёл вполголоса:

На заре, на заре
Настя по воду пошла...
[...]
Настя по воду пошла...

...хор был ладен и чист, и высокие голоса девушек вызывали в сознании образ прозрачного ключа с прохладным бархатным дном.

Белой рученькой качнула,
прощай, матушка моя!..

И по этому прохладному дну – две быстрые тени: золотая и серебряная
[...] А вода звенит:

...Ты прощай, ты прощай,
ты не спрашивай: «Зачем?»

Две тени, золотая и серебряная, это ведь – две рыбки, **это ведь символы чистоты и веры. Они, хоть слабые и беспомощные, но разве ж не они нам мерещатся? Нам, погрязшим в крови и безумстве? [...]**

Под горой стоит рябина,
красны ягодки на ней...

[...]

Под рябиной стоит Ваня,
однова его люблю!..

[...]

Однава его люблю!..

[...]

Не плачь, не плачь обо мне.

Не плачь, не плачь обо мне» (Окуджава, 2003, с. 291-295).

В этой песне выражены задушевные мечты провинциального дворянина Ивана Авросимова, не к добру, хотя и по собственному желанию, «посаженного фортуной» на стул петербургского писаря. Самое простое и насущное – любовь и вера – противопоставляются головному и «заморочному», всему тому, что так мучает главного героя в Петербурге. Последняя же фраза песни -- «Не плачь, не плачь обо мне...» явно контрастирует со счастливым финалом романа (у Авросимова «всё устроилось») и как бы предсказывает совсем другую встречу с этим героем – уже в «Путешествии дилетантов».

3. Историческая трилогия Булата Окуджавы.

На наш взгляд, романы «Бедный Авросимов», «Путешествие дилетантов» и «Свидание с Бонапартом» образуют трилогию¹². Они связаны идейно-тематической проблематикой: в центре внимания писателя события декабря 1825 года и их резонанс в русской жизни. Герои всех романов – частные люди, волей случая или судьбы втянутые в водоворот истории и именно бедный писарь Иван Авросимов – первый в ряду типичных героев Окуджавы.

Сюжет «Бедного Авросимова», открывающего трилогию, внешне

¹² М. Назаренко считает, что 4 исторических романа Окуджавы образуют тетraloгию (см. указанную работу).

заканчивается благополучно: в деревенской глуши Авросимов оправился от перенесённых в столице потрясений и вскоре женился. «...я рад за нашего героя, что так у него всё устроилось, так сложилось ко всеобщему ликованию. Бог с ним со всем», -- это последние строки романа. Однако такой финал оставляет читателя в недоумении (чьё же это «всеобщее ликование»?) и даже вызывает некоторое недоверие: «нет, что-то тут не так, всё не так-то просто...» И не случайно. В третьем историческом романе Окуджавы «Путешествие дилетантов» (1977) мы встречаемся с 45-летним Иваном Евдокимовичем Авросимовым, по-прежнему проживающим в своём имении в Тверской губернии. Главные герои, князь Мятлев и его возлюбленная Лавиния, сбежавшие из Петербурга, столкнулись с его экипажем в ночном лесу, во время грозы, и надолго задержались в доме у одинокого («Господь прибрал мою супругу-с давние времена...») и хлебосольного хозяина («Кушайте, кушайте, друзья мои. Всё ваше...») Мятлев пытается и не может разгадать тайну этого человека: **«Какая-то драма свела его с ума, да мало ли драм на свете? Среди множества Амвросимовых и Абросимовых он единственный Авросимов. Роковая описка дьячка или умысел?..»** (Окуджава, 1979, с. 389) Читателю известно то, чего не знает Мятлев: бывшему писарю Высочайшего следственного комитета Ивану Авросимову так и не удалось освободиться от кошмара, пережитого в Петербурге, колесо истории безжалостно проехало по нему, и душа не выдержала, надломилась. Вдовый, бездетный, он не знает, для чего жить: «От скуки я и кружусь, всё приумножаю, приумножаю [хозяйство], а для чего -- никто не знает» (Окуджава, 1979, с. 384). В какой-то момент добродушный Авросимов вдруг начинает объясняться на языке главного врага беглецов -- государя императора Николая I: **«Для общего благоденствия глаз нужен. Вы думаете, я об себе пекусь? Мне ведь ничего не надо... Всё --им, -- и кивал в сторону [крепостных] девок, которых по его прихоти величали какими-то странными именами -- Мерсиндами, Милодорами, Дельфиниями»** (Окуджава, 1979, с. 389).

В кабинете Ивана Евдокимовича висит «полотно, сработанное кистью неведомого сельского безумца», сюжет которого объясняет читателю (но не Мятлеву) трагедию бедного писаря. На картине изображён молодой государь Николай Павлович, благословляющий «тоже совсем молодого, розовощёкого, рыжеволосого, коленопреклонённого Ивана Евдокимовича». «Зловещее полотно, воспевающее преклонение живого перед живым, слабого перед могущественным, **преклонение сладостное, с замиранием сердца, нажитое невежеством и страхом и превращённое в счастливый праздник...**» (Окуджава, 1979, с. 388)

Но на предательство Авросимов всё-таки не способен – он не выдал беглецов полицейским, посланным на поимку Лавинии и Мятлева.

Спустя 10 лет после завершения своего первого исторического романа «Бедный Авросимов» Окуджава снова вернулся к «бедному маленькому писарю» и на этот раз договорил всё до конца. Встреча с Иваном Евдокимовичем Авросимовым оказывается не просто эпизодом из жизни «путешествующих дилетантов» князя Мятлева и Лавинии Ладимирской. Это подлинное и печальное завершение рассказа о судьбе маленького человека, подобно пушкинскому Евгению оказавшемуся жертвой Истории.

Заключение.

«Бедный Авросимов» (1965 – 1968) – первое прозаическое произведение Б. Ш. Окуджавы на историческую тему. Хотя этот роман, по оценке самого автора, не лишен недостатков, но в нём уже проявились основные художественные принципы Окуджавы как исторического романиста, которые в дальнейшем лишь углублялись, уточнялись и детализировались.

Автора интересует не история сама по себе («история – не самоцель»), а судьба человека, вовлечённого в круговорот истории. В «Бедном Авросимове» поворотное для всей последующей русской истории событие – восстание декабристов – показано с непривычной точки зрения, через

восприятие «маленького писаря» Авросимова, который становится не только невольным свидетелем, но и судьёй происходящего. Судьёй, который не может, не в состоянии вынести окончательный приговор «главному преступнику», полковнику Пестелю.

Тип героя первого романа Окуджавы генетически связан с «маленьким человеком» русской классической литературы. Новаторство писателя в том, что «маленькие люди» Окуджавы (писарь Авросимов, сыщик Шипов в романе «Похождения Шипова») изображены не только как жертвы или пассивные наблюдатели, но и как полноправные участники исторического процесса, они тоже, вольно или невольно, «делают историю».

Окуджава не делит своих героев, и главных, и второстепенных, на «хороших» и «плохих», «положительных» и «отрицательных»: его задача не раздать оценки, а насколько это возможно, выявить логику поступков романских персонажей.

Лирические способы выражения авторской позиции, ирония, в том числе и метатекстуальная, станут характерными чертами Окуджавы-исторического прозаика.

本論文於 2009 年 4 月 12 日通過審查。

Литература:

- Белая Г. А. Булат Окуджава, время и мы // Окуджава Б. Ш.
Избранные произведения в 2-х томах. Том 1. – М.,
Современник, 1989.
- Гордин Я. А. Человек против истории // Гордин Я. А. В
сторону Стикса. Большой некролог. – М., Новое
литературное обозрение, 2005.
- Мариэтта Чудакова. Заметки о поколениях в Советской России –
НЛО, 1998, N 30.
- «Минувшее меня объемлет живо...» На вопросы отвечали
писатели Ю. Давыдов, Я. Кросс, Б. Окуджава, О. Чиладзе.
Беседу вел Ю. Болдырев // Вопросы литературы, 1980, № 8.
- Михаил Назаренко. «Прогулки фрайеров»: историческая
тетралогия Б. Окуджавы как целое (к постановке проблемы)
// Русская литература. Исследования: Сб. науч. трудов.
Вып. IV. -- Киев, 2003, с. 27-40.
- Окуджава Б. Ш. Путешествие дилетантов: Роман. -- М.:
Советский писатель, 1979.
- Окуджава Б. Ш. «С историей не расстаюсь...» (беседу вела И.
Ришина). – Литературная газета, 27 мая 1979.
- Окуджава Б. Ш. Бедный Авросимов: Роман. – Екатеринбург:
У-Фактория, 2003.
- Окуджава Булат. «Я пишу роман...» -- Литературное обозрение,
11 января 1987.
- С. Пискунова, В. Пискунов. Трагическая пастораль – Нева,
1984, N10.
- Эйдельман Н.Я. «Революция сверху» в России. — М.: Книга,
1989.